

Имя философа и богослова Сергея Фуделя в России узнали только в 1990-е годы, спустя почти 20 лет после его кончины. Его книги стали настоящим откровением — о той Церкви, которая выжила в годы репрессий, расстрелов и предательств, выдержала всё, не отчаялась и сохранила веру.

Шел второй год мировой войны. В воздухе уже носилось слово «революция». Интеллигента в церкви встретить трудно, храм ему заменили собрания модных религиозно-философских обществ. Духовенство на богослужениях позёвывает, завсегдатаи ходят в храм в основном «послушать хор» — всё равно причащаться чаще одного-двух раз в год не положено. В Толгском монастыре под Ярославлем, куда недавно на 600-летие обители приезжал сам император с семейством, прямо во время литургии монахи выходят во двор покурить... Все это не художественный вымысел, это воспоминания Сергея Фуделя, в ту пору 14-летнего мальчика.

Но запомнилось ему и другое — поездки с отцом, протоиереем Иосифом Фуделем, в Оптину пустынь, ласковый взгляд отца Алексея Мечёва, служившего в Никольском храме на Маросейке, Зосимова пустынь...

Отец и сын

Протоиерей Иосиф Фудель, принявший сан по благословению преподобного Амвросия Оптинского, долгое время был «тюремным батюшкой» — служил в храме при Бутырской тюрьме. Как-то его спросили, какие впечатления он оттуда вынес. Он ответил: «Я удивлялся иногда и удивляюсь, почему они — в тюрьме, а я на свободе...» Отец Иосиф написал об этом воспоминания и наставления тюремным священникам. Он вообще много писал — около 250 статей опубликовал в разных газетах и журналах.

Протоиерей Иосиф Фудель. 1910

А когда в 1907 году стал настоятелем арбатского храма святителя Николая в Плотниках подготовил и издал девять томов собрания сочинений своего друга, философа Константина Леонтьева и на свои средства начал издавать журнал «Приходской вестник». Кто знает, чем бы все это кончилось... Может, вслед за его духовными чадами отправили бы отца Иосифа в изгнание на «философском пароходе». А может, приговорили бы к 10 годам лагерей и расстреляли на Соловках, как его друга Павла Флоренского. Но в 1918-м он умер своей смертью — от гриппа-«испанки».

Сергей Фудель. 1909

Фудель-младший появился на свет 31 декабря 1900 года, в последний день XIX века. Гимназию он окончил в 1917-м и, подхваченный вихрем революции, прежде чем стать студентом успел послужить в санитарном поезде, поработать статистиком, делопроизводителем в Наркомате иностранных дел и даже дипкурьером. Но через год все же поступил на историко-филологическое отделение Московского университета, вместе с другими православными студентами расклеивал по городу листовки против обновленцев... А еще через год ушел — не выдержал победной поступи марксизма.

И... попал по призыву в Красную армию. Хорошо хоть от гражданской войны Бог уберег — до конца 1921 года Фудель числился курсантом Военно-педагогических курсов, а потом слушателем Военно-педагогической школы. Заглядывал на собрания Религиозно-философского общества памяти Владимира Соловьева, которое возглавлял будущий священник Сергей Булгаков. Дружил с другом отца Павлом Флоренским, с Михаилом Новоселовым, членом Братства ревнителй Православия, вскоре арестованным за «антисоветскую агитацию». Да и сам Сергей отправился вслед за ним — сначала на Лубянку, а потом в Бутырку, где когда-то служил его отец.

«Призрак» Церкви

Среди товарищей по несчастью его особенно впечатлил тезка — поэт и богослов Сергей Дурылин, искренний талантливый человек, который в 1920 году стал священником. Он как-то сказал Фуделю: «Нам с вами предстоит расплачиваться по одному векселю». За что он готовился расплачиваться? Может, за разочарование в Церкви?

Дурылин «увидел в Церкви неверующих под видом верующих и решил, что дело Христово не удалось», объяснял Фудель. Ему и самому много раз приходилось сталкиваться с «повсеместными тяжелыми фактами — или явного греха, или неверия, или равнодушия и формализма в среде духовенства». Но справиться с тяжелым недоумением ему помогла мысль, которую он впервые услышал от отца Валентина Свенцицкого, известного в те времена публициста, принявшего священнический сан в самый разгар революционных событий, осенью 1917 года: всё зло, которое мы видим в Церкви, — не ее собственное. Это зло против Церкви.

Фудель повторил и развил этот тезис: равнодушие, безверие, пьянство, разврат, доносы, всё неприглядное, что можно увидеть в церковной ограде — это «темный двойник» Церкви, ее антипод, тень. *«Это всего только «призрак Церкви», но этот «призрак», или ее «двойник», совершает в истории страшное дело провокации: создает у людей впечатление, что иной Церкви, кроме него, не существует, что нет на земле больше Христовой правды. Как же важно (и как сложно!) не обмануться, не принять этот «призрак» за саму Церковь! Как трудно устоять, когда померещится, будто «на Тайной вечери Церкви сидит не один Иуда среди одиннадцати святых и любящих учеников, а двенадцать не верующих и не любящих иуд!»*

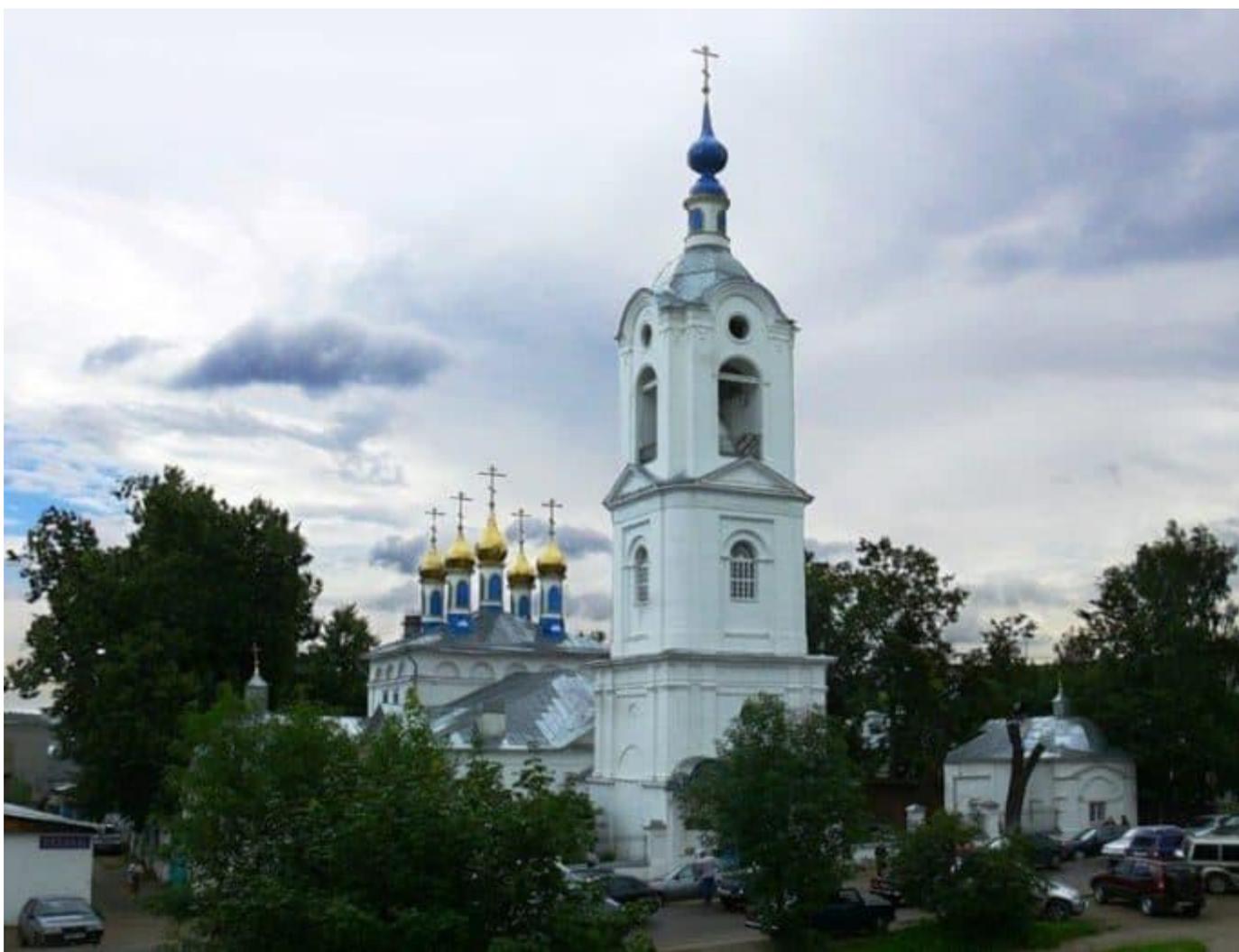
В книге «У стен Церкви» Фудель рассказывает:

«В 20-х годах в одном подмосковном храме кончилась литургия. Все шло, как обычно, и священник сделал завершающее благословение. После этого он вышел к народу на амвон и начал разоблачаться. В наступившей тяжелой тишине он сказал: «Я двадцать лет вас обманывал и теперь снимаю эти одежды». В толпе поднялся крик, шум, плач. Люди были потрясены и оскорблены: «Зачем же он служил хотя бы сегодня». Неизвестно, чем бы это закончилось, если бы вдруг на амвон не взошел какой-то юноша и сказал: «Что вы волнуетесь и плачете! Ведь это всегда было. Вспомните, что еще на Тайной Вечери сидел Иуда». И эти слова, напомнившие о существовании в истории темного двойника Церкви, как-то многих успокаивали или что-то объясняли. И, присутствуя на Вечери, Иуда не нарушил Таинства».

Сам Сергей Иосифович сан принять так и не решился, несмотря на благословение преподобного Нектария Оптинского. А ведь

предупреждал старец: «Не бойтесь, идите этим путем. Бог вам во всем поможет. А не пойдете — испытаете в жизни большие страдания». Но Фуделю в ту пору не было и 20 лет, и он воспринял это благословение как «призыв на подвиг» — и... уклонился, решил, что не готов.

Позже, уже в 1950-е годы, он вернется к мыслям о священстве — и вновь не решится. К тому времени у него за плечами будет уже три тюремных заключения и три ссылки, да и слишком недосыгаемым казался ему идеал священника, когда он вспоминал отца. А может, он просто побоялся лицом к лицу столкнуться с тем самым «темным двойником» Церкви.

Свято-Покровский храм г. Покров. Здесь служил пономарем С. И. Фудель
Фото vk.com/fudel

До конца жизни Сергей Фудель служил в храме псаломщиком — читал Священное Писание, возжигал свечи, подавал кадило. Но стать священником не дерзнул.

При этом он никогда не ставил под сомнение чистоту православного вероучения. Одна из первых его книг — «Путь отцов» — родилась как раз из стремления поделиться с друзьями теми прозрениями православных святых, что согревали его собственное сердце. Выписки из отцов Фудель делал с юных лет и чемодан с этими тетрадками хранил всю жизнь.

Но он никогда не пытался возвеличить Православие за счет унижения католиков или протестантов. Он считал, что трагический разлом между Востоком и Западом для христиан это повод удерживаться от любых дальнейших разделений.

В его понимании любой «церковный раскол есть не только глупость, но и гордость», а уж тем более — раскол по признаку отношения к власти или по иным политическим мотивам. «Всё искаженное, нечистое, неправильное, что мы видим в церковной ограде, не есть Церковь, и для того, чтобы не иметь с этим общения, совсем не надо выходить за ее ограду, нужно только самому в этом не участвовать, — убеждал своих читателей Сергей Фудель. — Для того, чтобы быть в Церкви, надо быть в истине, в Святыне Божией, но кто именно в данный момент состоит и кто не состоит в ней, — мы не знаем. Поэтому Господь и сказал: "Не выдергивайте на поле плевел, чтобы вместе с ними не выдергивать пшеницу" (Мф 13:29). Это надо понимать прежде всего в том смысле, что сейчас я и ты, или она — плевелы, а через час и я, и ты и она может стать пшеницей». («У стен Церкви»)

«Почему я тогда не умер?»

Не всякому верующему в 1930-е, 40-е, 50-е годы было очевидно, что за словами иерархов о полном единодушии с советской властью, за осуждением несогласных и некоторыми другими странностями во взаимоотношениях Русской Церкви с методично уничтожающим ее государством скрывается подлинное смирение, жертвенное служение ближнему и исповеднический подвиг. Но у Сергея Фуделя были веские доказательства, что истинная Церковь жива — он получил их в тюрьмах и ссылках, в которых провел в общей сложности 12 лет. Там, по его словам, Бог постоянно посылал ему «встречи с живыми иконами: людьми Божиими». И воспоминания о них он хотел сохранить для будущих поколений христиан, для «тех, кто, может быть, никогда не видел святых».

Фотографии Сергея Фуделя из следственного дела 1922 г.

Первый раз, в июле 1922 года, Фуделя арестовали за распространение послания ярославского митрополита Агафангела (Преображенского), призывавшего верных чад Церкви не подчиняться обновленцам* (*Обновленцы — группа православного духовенства, в 1917 году объявившая своей целью «обновление Церкви», демократизацию ее управления и модернизацию богослужения, не признавшая патриарха Тихона и заявившая о полной поддержке советской власти. В 1920-х годах они были единственной официально признанной в РСФСР православной религиозной организацией, а «патриаршая» Церковь оказалась вне закона — Прим. ред.*). Его сослали на три года в Усть-Сысольск, нынешний Сыктывкар, а оттуда — в село Княж-Погост в Коми. Там, среди тайги и болот, Фудель познакомился с целым сонмом священномучеников и исповедников: митрополитом Кириллом (Смирновым), архиепископом Фаддеем (Успенским), епископами Николаем (Добронравовым) и Афанасием (Сахаровым).

«Это было как светлый ветер, выметавший сор души, — вспоминал он. — Я готовился к этапу и раздавал, что имел, и, чем больше раздавал, тем

глубже дышал воздухом свободы, в которой мы призваны быть всегда. И это время тюремного дерзания так и осталось сладчайшим временем жизни. Почему я тогда не умер?» («У стен Церкви»).

В 1933 году новый арест. За «недонесение о контрреволюционной деятельности» дальней родственницы. И новая ссылка — на лесоповал в Архангельскую область.

Фотографии из следственного дела в 1946 году

Третий раз Фуделя арестовали в 1946-м — за участие в «антисоветском церковном подполье»: они с женой не раз принимали у себя священников так называемой катакомбной Церкви* Владимира Кривоуццкого и Алексея Габрияника (*Катакомбная Церковь — группа духовенства и мирян Русской Православной Церкви, отказавшихся подчиняться заместителю патриаршего местоблюстителя митрополиту Сергию (Страгородскому) после того, как тот заявил о лояльности по отношению к советской власти, и перешедших на нелегальное положение. — Прим. ред.*). На сей раз местом ссылки — на целых пять лет — стал Красноярский край: сначала город Минусинск, потом село Большой Улуй.

«В тюрьме молиться и трудно, и легко, — вспоминал он о тех временах. — Трудно потому, что сначала вся камера уставится тебе в спину, и всё, что

у многих на уме («ханжа» или еще что-нибудь), будет на уме у тебя. Легко потому, что, когда преодолеваешь это «назиране», то правда, что стоишь несколько минут у «врат Царства». В тюрьме "Господь близ есть, при дверех" (Мф 24:33)» («У стен Церкви»).

Похожими мыслями делился со знакомыми архимандрит Иоанн (Крестьянкин), он тоже провел несколько лет в местах заключения. «В заключении у меня была истинная молитва, и это потому, что каждый день был на краю гибели», — признавался он.

«Для тех, кто, может быть, никогда не видел святых»

«Записывайте всё, что знаете о современных святых», — посоветовал как-то Сергею Иосифовичу священник Николай Голубцов, который в 1952 году отпевал блаженную Матрону.

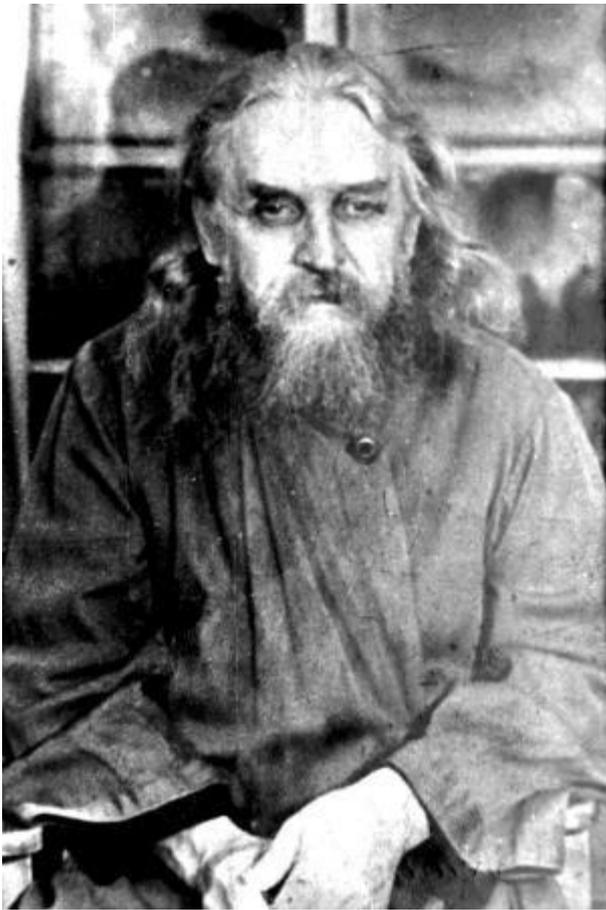
И Фудель последовал его совету: все, что он писал со второй половины 1950-х, полно «зарисовок с натуры». Тут и архимандрит Серафим (Батюгов), и старец Зосимовой пустыни иеросхимонах Алексей (Соловьев), и святой праведный отец Алексий Мечёв, и епископ Афанасий (Сахаров), и многие-многие другие... Из встреч с ними Фудель вынес убеждение, что Церковь Христова «по-прежнему живет и действует в современных святых», и жаждал поделиться этим убеждением. Хотя бы с собственными детьми и немногочисленными друзьями, которым он адресовал свой первый труд (он так и назывался — «Моим детям и друзьям»).

Старец Алексей Зосимовский. 1925

Он часто обращал внимание на необычность, непредсказуемость святых, на то, что они не вмещаются в традиционные представления. «Обычные нормы отношений, наблюдаемые на поверхности Церкви, как-то изменяются на ее глубине, — замечает он в книге воспоминаний «У стен Церкви». — Епископы, духовные дети простого иеромонаха, о. Алексея Зосимовского, помню, кланялись ему в ноги при свидании. У праведников иные законы».

Среди его воспоминаний есть и такой эпизод: «В зырянскую ссылку 1923 года с первыми пароходами было доставлено сразу очень много епископов. С одним из них добровольно приехали его келейник-монах и еще один «вольный», юноша лет 20-ти, сразу обративший на себя наше внимание. Он нес подвиг молчания: ни с кем ни о чем никогда не говорил, а, когда это было нужно, объяснялся знаками. ... Ходил он босой, в длинной холщовой рубахе без пояса. Один раз он у меня ночевал. Я всё ждал, что вот вечером он встанет на долгую молитву, да еще, может быть, «стуча веригами»... а он вместо этого знаком спросил меня о чем-то, улыбнулся, перекрестился и лег. И на следующий день он меня удивил. Он сидел на сундуке около двери... я заранее положил туда стопку книг: «Подвижники благочестия XVIII и XIX веков». "Вот, — думал я по глупости, — он обрадуется". А он открыл книгу, начал было читать, но тут же закрыл и больше не прикасался. Мы говорим, пишем, читаем о подвиге, а подвижники молчат и его совершают».

Отец Серафим (Батюгов). 1940-е

Особенно тепло вспоминал Сергей Фудель о своем многолетнем духовнике отце Серафиме (Батюгове): «Вот он стоит в подряснике, опоясанный кожаным поясом, в полумантии, — со всеми нами на молитве. Иногда крестит кого-то в пространстве перед собой — какого-то отсутствующего своего духовного ребенка. Иногда останавливает чтеца и начинает читать сам, но на середине псалма или молитвы вдруг замолкает, так глубоко вздыхая, что дыхание наполняет комнату. И мы молчим и ждем, зная, что его молитва именно сейчас не молчит, но кричит Богу. Или бывает так: он начинает читать молитву обычным голосом, размеренно, «уставно», но вдруг голос срывается, делается напряженным, глаза наполняются слезами, и так продолжается иногда несколько минут. ...Колея уставного молитвенного строя при нем иногда явно нарушалась. С ним могло быть, так сказать, неудобно молиться, так же "неудобно", как не умеющим плавать идти за умеющим в глубокую воду... Думаю, что еще в большем неудобстве мы бы почувствовали себя на апостольском богослужении, когда простые миряне получали откровения, говорили на незнакомых языках и пророчествовали» («У стен Церкви»).

После тюрем и ссылок коренному москвичу Фуделю с семьей было запрещено жить в Москве. Пришлось переселиться за «сто первый

километр» и наезжать в столицу эпизодически — чтобы поработать в библиотеках.

Святитель Афанасий (Сахаров), епископ Ковровский

Одно время Фудели жили в Липецкой области — сперва в городке Лебедянь, потом в Усмани, где Сергей Иосифович завершил «Путь отцов». А к началу 1960-х перебрались во Владимирскую область, поближе к епископу Афанасию (Сахарову), в город Покров. Сам владыка жил в Петушках. Но пожить по соседству почти не довелось — в октябре 1962 года владыка Афанасий скончался.

«Последние годы Владыка был точно в каком-то смятении чувств, — вспоминал впоследствии Фудель. — То, что совершалось и в стенах Церкви, и в мире, вызывало в нем глубочайшую тревогу... Какое-то горестное недоумение и скорбь о все увеличивающемся обмирщении Церкви выражались и в разговорах его, и в письмах... Но перед смертью он сказал близким о том, где же выход. “Вас всех спасет молитва”, — это были его одни из самых последних слов».

«Невозможно верить стиснув зубы»

Читая книги Фуделя — а их около пятнадцати, — можно почувствовать тот дух, которым жили и укреплялись новомученики и исповедники Российские. Святость, никогда не покидавшую Церковь, Фудель видел воочию и умел передать строй мысли, настроение этих святых людей, их упование на Бога так, что читатель воспринимал их как свои собственные. «Может быть, вся задача нашего уходящего поколения в том и есть, чтобы передать молодым христианам... чувство рассвета, чувство приближения сроков», — писал Сергей Иосифович. И если святые живут рядом с нами, значит, святость достижима — вот мысль, которую он развивал ее в своих произведениях.

«Как реальность будущего Царства Небесного удостоверяется действительным предначатием его еще здесь, на земле, внутри человека... так и ад начинается внутри человека еще здесь на земле, — писал Фудель. — Ад сам удостоверяет о себе в безумии и холоде греха, и человек еще при жизни предощущает геенну» («Путь Отцов»).

Но при этом очень важно, чтобы человек молился о ниспослании ему благодати — тогда однажды он обнаружит, что, несмотря на все трудности, ему радостно и легко.

Сергей и Вера Фудель в Покрове, 1960-е

А христианства без радости не бывает — об этом, собственно, все книги Сергея Фуделя, особенно «Причастие вечной жизни», написанная в Покрове уже на закате дней.

«Невозможно верить, стиснув зубы», вера без радости — это уже не христианство, а «хмурое законничество», утверждал он. И предупреждал: «Не вдыхая в себя хоть в малейшей степени блаженного воздуха вечности, нельзя сохранить свою веру... А ведь в этом всё дело, особенно в наше время: остаться до конца Ему (Богу. — Прим. ред.) верным».

«"Ученики исполнялись радости и Духа Святого", — говорится в Деяниях о первохристианах... о людях, которые должны были жить в ожидании изгнания, мучений и смерти, — писал Фудель. — И мы... не можем больше жить без этой радости Духа, готовящей наши сердца и на Голгофу, и на Воскресение. Эта радость Духа — всё та же — и вчера, и сегодня, и в атомный век, ибо она есть всё то же реальное причастие еще здесь, на земле, Божественной жизни и нетления».

*Дом, в котором жил Сергей Иосифович в городе Покров (Больничный пер, 15) Владимирской области свои последние годы
Фото vk.com/fudel*

Справедливость этих слов Сергей Иосифович доказал собственной жизнью. Он писал о радости — а сам жил в Покрове без газа, без отопления, воду приходилось носить с колонки, а денег порой не хватало даже на еду. Зарабатывал Фудель почти исключительно переводами для Издательского отдела Московской Патриархии — он знал аж семь языков. Хорошо знакомые иногда привозили из Москвы продукты.

Со временем к материальным трудностям прибавились болезни: Сергей Иосифович стал терять зрение (последние работы он писал с увеличительным стеклом), его мучила тяжелая аллергия, в 1970 году он перенес инфаркт, а затем началось злокачественное воспаление лимфатических узлов... Однажды, когда было особенно тяжело, он написал: «Жить становится всё труднее: та смертельная усталость, которая разлита в мире, иногда заливают душу». Но в одном из последних его писем к дочери Марии вновь звучит прежняя нота: «Душа спокойна, точно послана мне от Бога какая-то радость конца».

Скончался Сергей Фудель 7 марта 1977 года. Но должно было пройти еще почти двадцать лет, прежде чем написанное им увидело свет.

*Погребение С. И. Фуделя. Покров, 9 марта 1977 г.
На переднем плане у могилы протоиерей Владимир Воробьев*

«Он впитывал дух тихой, гонимой русской святости, на протяжении всей своей жизни подобно пчеле собирая ее крупицы на быстро

оскудевающих церковных полях, — пишет о Сергее Иосифовиче ректор Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета протоиерей Владимир Воробьев, неоднократно посещавший его в Покрове. — И этим подлинным духом наполнены его сочинения, что делает их столь драгоценными сегодня. Всё, что писал Сергей Иосифович, проходило горнило его собственного духовного опыта, несет в себе свидетельство о духе времени и о Церкви... И, читая, например, его «Записки о литургии» легко почувствовать, как служили литургию в тюрьмах новые русские священномученики, можно приобщиться и научиться их трепету и умилению, их страданию и торжеству их святости».

В настоящее время останки Сергея Иосифовича и Веры Максимовны перенесены и захоронены в ограде Свято-Покровского храма г. Покров.